

Из истории изучения саргатской культуры

Термин «саргатская культура» не сразу утвердился в археологической литературе и обрел точное определение.

В 1927 г. в Омской области В. П. Левашова раскопала второй курган из группы у с. Коконовка с целью уточнения результатов раскопок, осуществленных ранее И. М. Матанас. Оба кургана содержали по одному погребению с северной ориентировкой, остатки деревянных перекрытий и погребального костра, обломки круглодонных сосудов, бронзовых и железных наконечников стрел, меча, панцирных пластин. В предварительном сообщении В. П. Левашова датировала их IV—III вв. до н. э.¹ В 1927—1928 гг. ею раскопаны два кургана у с. Саргатка. Под каждой насыпью обнаружено несколько погребений в укрепленных деревом прямоугольных ямах, содержащих большое количество круглодонных сосудов с резным орнаментом. Материал, позволивший датировать курганы II в. до н. э.—II в. н. э., привлек к себе внимание, поскольку нашел аналогии в известных ранее могильниках зауральско-западносибирской лесостепи².

Не буду подробно останавливаться на работах XIX—первой половины XX в. Их обзор уже сделан³. Отмечу лишь большую заслугу П. А. Дмитриева в формировании научного представления об этой культуре. В статье о памятниках у с. Мыс он впервые обобщил материалы известных могильников и датировал их III в. до н. э.—I в. н. э., дал характеристику основных черт погребального обряда и его специфики. Он писал: «Возможно, что в будущем удастся объединить в одну группу курганы Тюменского, Тобольского, Омского, Барабинского, а может быть, и некоторых других округов Зауралья, где как будто преобладает северная ориентировка покойников и находится приблизительно одинаковый могильный инвентарь»⁴. Это положение во многом предопределило направление поисков, которые в конечном счете подтвердили его правильность.

Конец 40-х и 50-е гг. ознаменованы актуальностью этногенетических исследований. Предположение П. А. Дмитриева было развито В. Н. Чернецовым, которому принадлежит тезис о вы-

делении курганов типа Кокновских и Саргатских в особую культуру, но с иной этнической интерпретацией. Он считал, что культура вышеназванных и челябинских курганов принадлежала угорским племенам «савыр» — предкам мадьяр⁵, тогда как П. А. Дмитриев связывал ее с особой группой сармат⁶.

К началу 60-х гг. редкие курганы, раскопанные в разных частях западносибирской лесостепи, были выделены в особую культуру, предварительно датированы и даже получили этническую интерпретацию. Однако из-за недостатка материала территория культуры была очерчена нечетко, характеристика отличалась схематизмом, не были известны поселения⁷. Многие вопросы предстояло еще ставить и решать.

В таком состоянии находилась не только культура саргатских курганов; ранний железный век Западно-Сибирской равнины оставался еще слабо изученным⁸. Более интенсивно благодаря деятельности К. В. Сальникова исследовалось Зауралье⁹.

Планомерные археологические работы стали проводиться с начала 60-х гг. экспедицией Уральского университета, возглавляемой В. Ф. Генингом. В результате сплошного обследования бассейнов Иртыша, Ишима, Тобола были получены первые варианты археологических карт, выявлены новые памятники, в частности поселения раннего железного века¹⁰. В эти годы раскопаны Речкинское II селище на Тоболе, Узловское и Чупинское на Ишиме, Прыговский могильник на Исети, Фоминцевский, Абатский и Лихачевский на Ишиме, Розановское городище на Иртыше¹¹. В 70-е гг. экспедицией исследованы курганы у сел Черноозерье и Красноярка на Иртыше, Ирский могильник на Ишиме, несколько памятников на Андреевском озере, поселение Дуван VI в Притоболье, городища Инберень IV и Розановское в Прииртышье¹².

В Курганской области Т. М. Потемкина раскопала жилище на поселении Белый Яр XII с керамикой гороховской и саргатской культур¹³. С конца 50-х гг. начались работы Западносибирской экспедиции ИА АН СССР, руководимой В. Н. Чернецовым. В Притоболье отряд С. В. Зотовой и П. Н. Кожина исследовал несколько курганов у с. Памятное и на Андреевском озере¹⁴. Иртышские памятники стали известны гораздо шире благодаря раскопкам отряда, многие годы возглавляемого В. А. Могильниковым. Среди них Артынские, Калачевские, Окуневские, Богдановские и Стрижевские, Сеткуловские курганы, Богдановское и Коконовское поселения¹⁵.

С середины 60-х и в последние годы активно исследуются под руководством Г. Б. Здановича поселения и могильники раннего железного века на Ишиме в Северном Казахстане¹⁶.

В настоящее время неизмеримо расширилась источниковедческая база культуры Саргатских и Коконовских курганов: известны и обработаны материалы около 40 могильников и бо-

лее 80 поселений. По мере накопления новая информация включалась в научный оборот в виде публикаций и статей общего характера. Во второй половине 60-х гг. окончательно оформляются понятие и термин «саргатская культура», которые закрепляются за памятниками лесостепного Прииртышья и Приишимья, объединенными сходствами керамики, домостроительства и погребального обряда¹⁷.

Изучение саргатской культуры в эти и последующие годы шло в нескольких направлениях. С одной стороны, разрабатывалась курганная тематика, где достигнуты наиболее значимые результаты, с другой — поселенческая, которая ранее почти не затрагивалась.

Быстрый рост информации о раннем железном веке всей западносибирской лесостепи обусловил главную задачу исследований — систематизацию материала. А это в свою очередь определило сравнительный аспект изучения саргатской культуры, имевшего целью выяснение ее места среди других памятников. Одновременно уточнялись даты, выявлялись общие черты и индивидуальные особенности, пределы распространения, делались попытки исторических и этнических реконструкций. Большая заслуга в этом принадлежит В. А. Могильникову, В. Е. Стоянову, многие вопросы затронуты в работах В. Ф. Геннинга, М. Г. Мошковой, В. Д. Викторовой.

Прежде чем перейти к проблемам изучения собственно саргатской культуры, целесообразно коротко остановиться на вопросах, касающихся эпохи раннего железа всей лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

В 1969 г. В. Е. Стоянов представил итоги обработки и систематизации археологического материала этой территории. Корреляция типов керамики, городищ, жилищ, ряда признаков погребального обряда позволила ему наметить «группы памятников со своеобразными сочетаниями нескольких признаков и с некоторыми признаками, имеющими также локальные и хронологические характеристики»¹⁸.

Поселения с носилковской керамикой, известные на средней и нижней Исети и среднем Тоболе, датированы концом бронзового — началом железного века. К VI—IV вв. до н. э. отнесены поселения с иткульской и воробьевской керамикой, сосредоточенные в бассейне Синары и верховьях Исети (иткульские) и в средних течениях Исети и Тобола (воробьевские). Показано, что поселения с гороховской керамикой, датированные V—II вв. до н. э., первоначально были локализованы в Зауралье на сопредельной с иткульской и воробьевской территории, а позднее распространились к северу. Это группы зауральского, западного ареала. В восточном ареале — в Затоболье — их намечено три. К VI—IV вв. до н. э. отнесены поселения среднего Иртыша с розановской керамикой. Такое же время определено для памятников Среднего Приишимья, Тоболо-Ишимского меж-

дуречья, правобережья среднего Тобола, средней и нижней Исети с баитовской керамикой. Поселения с речкинской керамикой, выделенной впервые на материале Речкинского II селища, обнаружены от Иртыша до Тобола и западнее и датированы IV в. до н. э.—II в. н. э. Именно такая посуда встречается в курганах саргатской культуры.

Концепция В. Е. Стоянова основывалась на таких локально-хронологических соотношениях перечисленных групп обоих ареалов. Синхронны (VI—IV вв. до н. э.) иткульские, воробьевские и, частично, гороховские (V—IV вв. до н. э.) памятники на западе, баитовские с розановскими на востоке. Группа памятников IV—II вв. до н. э. представлена гороховскими на западе и речкинскими на востоке. К рубежу и первым векам новой эры относятся речкинские памятники западнее и восточнее среднего и нижнего Тобола. Им могут быть синхронны отдельные гороховские из Западного Зауралья.

Носиловские, баитовские и борковские памятники Петропавловского Приишимья (раскопки Г. Б. Здановича), полагает В. Е. Стоянов, можно объединить в культурную общность или баитовскую культуру с носиловским на Исети и лихачевским на Ишиме локально-хронологическими вариантами, а розановские и речкинские могут характеризовать два локально-хронологических варианта саргатской культуры¹⁹. Он развивает выдвинутый ранее тезис о типологической и хронологической обособленности баитовской и речкинской керамики и связанных с нею памятников²⁰.

Описанная концепция, опирающаяся на большой фактический материал, является пока единственной упорядоченной и достаточно стройной схемой его формального распределения. Однако не все ее положения бесспорны, как не бесспорны выводы, основанные на неточных датах. Прежде всего, это касается розановского типа, правомерности его выделения и датировки VI—IV вв. до н. э. В. А. Могильников, приведя в качестве аргумента совместное залегание розановской и саргатской керамики в слое Богдановского городища, предположительно синхронного одноименным курганам (II в. до н. э.—I—II в. н. э.), пришел к заключению об относительно позднем возрасте первой²¹.

Именно это обстоятельство заставило меня сравнить керамику из слоя раннего железного века Розановского городища и поселений саргатской культуры. Расчет коэффициентов различия коллекций по технике орнамента и элементам узора позволил оценить хронологию поселений, в соответствии с которой розановский комплекс оказался ближе к концу I тысячелетия до н. э.²²

Проблемам раннего железного века Западной Сибири посвящены многие статьи В. А. Могильникова. Значительное место в них занимают публикация и интерпретация материалов

Среднего Прииртышья. Констатируя слабую изученность памятников первой четверти I тысячелетия до н. э.²³, В. А. Могильников выделяет в Западной Сибири «ивановско-баитовскую» культурную общность. В нее он включает среднеиртышские памятники с керамикой, украшенной резным и жемчужным орнаментом, обследованные рекогносцировочно комплексы с керамикой «ивановского» типа, изученного в свое время В. Н. Чернецовым в районе Тобольска, и баитовские. Он пишет: «...принимая во внимание сходство керамики, памятники ивановского типа ...прииртышские памятники на участке от устья Тары до Бичи, а также баитовские памятники ишимской лесостепи и низовий Туры, следует, по-видимому, объединить в более или менее единую культурную общность начала раннего железного века». Ее территория определяется в пределах «междуречья Тобола и Иртыша от их слияния — на севере, приблизительно до широты Омска — на юге, а дата — в рамках VII—IV вв. до н. э.». По предположению В. А. Могильникова, ивановско-баитовские племена вошли в состав племен саргатской культуры в качестве одного из составных компонентов, отчасти, вероятно, как субстрат. Далее, характеризуя Среднее Прииртышье IV в. до н. э.—III—IV вв. н. э., В. А. Могильников совершенно правильно относит к этому времени памятники саргатской культуры, оставленные многочисленным скотоводческим населением. Среди саргатских племен на Иртыше во II в. до н. э.—III в. н. э. существовали группы пришлового населения среднеиртышской культуры²⁴. Конкретизируя, В. А. Могильников позднее указал на миграцию кулайского населения, приведшую к появлению среднеиртышских памятников²⁵. Согласно его представлению, во второй половине I тысячелетия н. э. происходит продвижение населения саргатской культуры на запад, в Приоболье, где обитали родственные племена гороховской культуры²⁶. Обе названные культуры составляют единую этнокультурную общность²⁷. Таковы основные моменты концепции В. А. Могильникова.

Как можно заметить, схемы В. Е. Стоянова и В. А. Могильникова, построенные на совершенно различных методических основах, в некоторых пунктах совпадают (датировки саргатской, гороховской культур, саргатское продвижение на запад), в некоторых дополняют одна другую (более полная характеристика западного ареала у В. Е. Стоянова и восточного — у В. А. Могильникова), а в некоторых расходятся (соотношение розановской и саргатской керамики). Кроме того, выделение В. А. Могильниковым «ивановско-баитовской» общности справедливо критикуется В. Е. Стояновым, считающим главными недостатками такого выделения репрезентативность материала²⁸.

Многолетними исследованиями установлено, и это отражено в литературе, что саргатская культура объединяет могильники

и поселения с вполне определенным типом керамики (речкинским, по В. Е. Стоянову). Именно посуда отличает эту культуру от других, но она до сей поры наименее изучена. Исследования ограничились краткими описаниями и общей характеристикой, недостаточными для серьезных выводов. Вторым отличием считают погребальный обряд, но его своеобразие проявляется через сочетания черт, которые встречаются широко. Поэтому, если могильник не содержит керамики и находится на периферии, его культурная атрибуция очень трудна.

Нужно отметить, что в работах последних лет точнее и конкретнее, чем прежде, определена территория саргатской культуры²⁹, описаны и опубликованы многие памятники, представляющие различные районы и периоды, дана ее общая характеристика³⁰. Но эта характеристика неравноценна. Так, в обобщающей статье В. А. Могильникова «К вопросу о саргатской культуре» почти не привлечены материалы памятников Ишима и Тобола.

Культура описывалась недифференцированно: с акцентом на общие черты либо на публикуемый памятник. Поиски локальных различий в ее пределах не предпринимались. Анализ памятников Северного Казахстана пока не осуществлен. Поэтому неясно, представляют они периферию культуры или среду, где лежат ее истоки.

С помощью многочисленных сарматских аналогий уточнена хронология культуры. В. А. Могильников предложил разделить ее на три этапа, взяв за основу изменение погребальных обрядов. Первый этап — IV—III вв. до н. э., второй — II в. до н. э.—II в. н. э., третий — III—IV вв. н. э.³¹ Эту периодизацию поддержал В. Е. Стоянов³². Отличительными чертами первого этапа В. А. Могильников считает одиночные погребения, северную ориентировку у погребенных, рвы вокруг насыпей, бревенчатые перекрытия, малое количество сосудов в них³³. Второй этап характеризуется увеличением числа могил в курганах, укрупнением насыпей, появлением широтной ориентировки, большей встречаемостью сосудов³⁴. Третий этап, к которому отнесены Калачевские I и Стрижевские курганы, отличается от предыдущего лишь захоронениями голов быка и лошади в ровике Калачевского кургана, учащением западных ориентировок³⁵.

Созданная интуицией и опытом эта периодизация, по-видимому, верно отражает самые крупные изменения, прослеживаемые в материале. Однако необходима дальнейшая разработка. Во-первых, поскольку вопросы хронологии решались В. А. Могильниковым попутно, они затронули не все изменения погребальной обрядности. Во-вторых, периодизация оставляет место для ряда вопросов. Можно ли на ее основе датировать поселения? К какому этапу следует относить погребения: III—II вв. до н. э. или II—III вв. н. э.? Фиксируются ли хронологические

изменения керамики? Вопросы неизбежны, они ждут своего решения.

В 1970 г. коллективом археологов во главе с В. Ф. Генингом была опубликована статья не только с иной периодизацией, но и с иным взглядом на культуру³⁶. Мне как соавтору необходимо определить свое настоящее отношение к ней. Я разделила изложенную там схему развития культуры раннего железного века лесостепного Прииртышья. Но при дальнейшей работе над материалом пришлось иначе оценить ранние выводы. Их суть заключалась в том, что в культуру, описанную под названием «абатская», включались все памятники раннего железа Омского Прииртышья. Название вводилось потому, что материал раскопанных в 1963 г. у с. Абатское курганов, по мнению авторов, лучше отражал особенности культуры. В ее развитии, а следовательно, в развитии раннего железного века этой территории намечалось два этапа: ранний, «коконовский», от начала железного века до III в. до н. э., поздний, «саргатский», датировался II в. до н. э.—II в. н. э. Основывалась периодизация на изменении погребального обряда, замечаниях относительно инвентаря и со ссылкой на стратиграфию Черноозерских курганов. Розановское городище было отнесено к раннему периоду. Изложение иллюстрировалось графической схемой.

На первый взгляд, периодизации В. А. Могильникова и вышеописанная мало различаются, фиксируя примерно одинаковые моменты. Разница, видимо, кроется в различии подходов к предмету изучения, в отсутствии строгих критериев выделения археологических культур, что вызывает различия в понимании и трактовке исторических явлений.

Если периодизация В. А. Могильникова охватывает конкретное явление как таковое, т. е. саргатскую культуру с ее характерными признаками, то другая подходит к нему шире, включая в понятие «абатской» культуры вместе с саргатскими другие ранние памятники Иртыша и Ишима. Но их связь с саргатской культурой, которая четко фиксируется не ранее IV в. до н. э., еще нужно установить. Такую связь можно допустить, но и тогда памятники периода от начала раннего железного века до IV в. до н. э. нельзя объединить с более поздними: слишком очевидна их самостоятельность. В связи с переименованием культуры возникает вопрос: не слишком ли много равнозначных названий? Действительно, Абатские курганы выразительнее Саргатских, но Богдановские, раскопанные позже, еще выразительнее и тоже имеют ранние и поздние погребения. Не менять ли вновь название культуры?

Все исследователи констатируют трудности в решении проблемы происхождения саргатской культуры. Как уже отмечалось, В. А. Могильников считает, что в состав ее племен вошли «ивановско-баитовские племена» и «потомки племен андроновской культуры северо-восточного Казахстана и южной половины

Омской области»³⁷. В другом месте он пишет, что «андреевские племена, оставшиеся в лесостепи, стали основой формирования саргатской культуры»³⁸. По мнению В. Е. Стоянова, в создании культур раннего железного века Затоболья преобладал местный андроновский компонент. «Генетический процесс шел под воздействием с юга и юга-востока и сопровождался нивелировкой, которая завершилась появлением памятников с речкинской керамикой»³⁹. Соответственно точке зрения В. Ф. Генинга и соавторов, к происхождению «абатской» культуры имеют определенное отношение памятники типа «Большой Лог», а также комплексы эпохи бронзы лесостепных и лесных районов (еловские, старомаслянские и т. д.)⁴⁰.

Нетрудно заметить, что все авторы, указывая примерно одинаковые генетические компоненты, отдают предпочтение какому-то одному. Дело в том, что фактический материал не дает достаточных оснований для выводов о происхождении культуры, поскольку переходный период от бронзового к раннему железному веку наименее изучен в археологии Западной Сибири. Видимо, нужны целенаправленные поиски памятников этого времени, усовершенствование методики их анализа, что, в конечном счете, должно повлечь специальное, всестороннее исследование проблемы.

Традиционным вопросом, с рассмотрения которого и началось изучение саргатской культуры, стала ее этническая принадлежность. Но, к сожалению, ответ на него ныне ненамного яснее, чем в те годы, когда археология Западной Сибири вставала на ноги. Не останавливаясь на всей историографии проблемы, отмечу, что в отношении этнолингвистической принадлежности населения культур раннего железного века лесостепи Зауралья существует четыре гипотезы: ираноязычности (П. А. Дмитриев)⁴¹; «угорская» (В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, К. В. Сальников, В. А. Могильников (с некоторыми оговорками), П. Вереш, З. П. Соколова)⁴²; «самодийская» (В. И. Васильев)⁴³; гипотеза, признающая смешанный угорско-иранский состав населения (К. Ф. Смирнов)⁴⁴. Поскольку все они в силу объективных обстоятельств не подтверждаются достаточно убедительными аргументами, трудно в ближайшее время ожидать кардинальных сдвигов в этой области. Поэтому неопределенность в решении вопроса этнической принадлежности саргатской культуры, видимо, сохранится какое-то время, по крайней мере до получения удовлетворительных результатов по теме происхождения культуры, ибо эти вопросы тесно взаимосвязаны, а также до широких топонимических и палеоантропологических исследований Тоболо-Иртышского междуречья. Пока же мы вынуждены работать в этой области на гипотетическом уровне.

Достаточно много места в ряде статей уделено реконструкции хозяйства в том числе и племен саргатской культуры. Пер-

вая точка зрения на этот счет принадлежит В. Н. Чернецову, который считал их кочевыми скотоводами⁴⁵. Позднее, с открытием поселений в литературе стали высказываться мнения об оседлом характере их скотоводства и наличии земледелия⁴⁶. В последнее время по этому поводу сделаны более определенные выводы, основанные на анализе фаунистических остатков с поселений. Доказано, что ведущую роль в хозяйстве саргатских племен играло достаточно развитое скотоводство полуседлого типа⁴⁷. В. А. Могильников предположил, что в первые века новой эры роль кочевания заметно повысилась, но возможность существования земледелия не отрицается⁴⁸.

Некоторые наблюдения касаются связей племен саргатской культуры с соседними племенами. Установлено, что больший вес имели западные и юго-западные связи⁴⁹.

Таковы основные итоги изучения саргатской культуры. Закладывая вышеизложенное, хочется подчеркнуть, что, несмотря на известные успехи, достигнутые в изучении саргатской культуры, о ней пока не сложилось целостного представления, чему в немалой степени способствуют разобщенность выводов, их разбросанность по различным, порой очень маленьким статьям и неразработанность ряда вопросов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левашова В. П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Западно-Сибирского музея в 1926—1927 гг.— Изв. Западно-Сибирского музея. Омск, 1928, № 1, с. 159—160; Могильников В. А. Коконовские и Саргатские курганы — памятники эпохи раннего железа западно-сибирской лесостепи.— МИА, 1972, № 153, рис. 1, 2, 4, 5.

² Левашова В. П. Предварительное сообщение..., с. 160; Она же. Два сосуда из курганов Омской области.— КСИИМК, 1948, вып. 20, с. 86—88; Могильников В. А. Коконовские и Саргатские курганы..., рис. 3, 6, 7.

³ Могильников В. А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I — начале II тыс. н. э. (Локальные варианты культуры). Канд. дис. М., 1963.— Архив ИА АН СССР, Р 2, № 1911; Стоянов В. Е. Ранний железный век западносибирской лесостепи. Опыт классификации и периодизации. Канд. дис. Свердловск, 1969.— Архив КА УрГУ, ф. 3, д. 176; Викторова В. Д. Население эпохи железа лесной полосы Среднего Зауралья. Канд. дис. Свердловск, 1969.— Архив КА УрГУ, ф. 3, д. 189.

⁴ Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы.— ТСА РАНИОН, 1928, т. 4, с. 187, 189—190.

⁵ Чернецов В. Н. Усть-полуйское время в Приобье.— МИА, 1953, № 35, с. 224, 238—240; Он же. Древняя история Нижнего Приобья.— Там же, с. 71.

⁶ Дмитриев П. А. Мысовские стоянки и курганы, с. 188—189.

⁷ Раскопки В. П. Левашовой на городищах Битые Горки, Абрамовском и других дали смешанный, невыразительный материал, который не был опубликован. См.: Левашова В. П. Предварительное сообщение..., с. 157—158.

⁸ Сальников К. В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала.— В кн.: Из истории Урала. Свердловск, 1960, с. 7—17; Он же. Основные итоги и проблемы археологического изучения Южного Урала.—

БАУ. Свердловск, 1961, вып. 1; *Генинг В. Ф.* Проблемы изучения железного века Урала.— Там же, с. 23—47.

⁹ *Сальников К. В.* Три года работы на городище «Чудаки». — КСИИМК, 1940, вып. 2, с. 69—71; *Он же.* Городище «Чудаки» в Челябинской области (по раскопкам 1937 г.). — СА, 1947, № 9, с. 221—227.

¹⁰ *Викторова В. Д., Генинг В. Ф., Стоянов В. Е.* Археологическая экспедиция Уральского университета в 1961 г. — В кн.: III Урал. археол. совещ. в г. Уфе. Тез. докл. Уфа, 1962, с. 72—74; *Он же.* Археологическая экспедиция Уральского университета (1961 г.). — АЭБ. Уфа, 1964, т. 2, с. 191—197.

¹¹ *Стоянов В. Е.* Отчет о раскопках Речкинского II селища. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 44; *Он же.* Узловское поселение. — БАУ. Свердловск, 1968, вып. 8, с. 65—89; *Генинг В. Ф., Евдокимов В. А.* Отчет о раскопках Чупинского поселения. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 47; *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н.* Комплекс раннего железного века Чупинского поселения. — В печати; *Генинг В. Ф., Неживых В. И.* Отчет о раскопках Прыговского курганного могильника. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 23; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганы у оз. Фоминцево. — БАУ, 1968, вып. 8; *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири. — МИА, 1972, № 153; *Корякова Л. Н.* Лихачевские курганы. Курсовая работа. — Архив КА УрГУ, ф. 3, д. 30; *Генинг В. Ф.* Отчет о раскопках Розановского городища. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 37.

¹² *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Федорова Н. В., Овчинникова Б. Б.* Омское Прииртышье в железном веке. — ПХКПАПЗС, 1970, с. 203—215; *Корякова Л. Н.* Курганы сарматской культуры у с. Краснойяра. — СА, 1979, № 2; *Косинская Л. Л.* Обследование неолитических поселений по Ишиму и Иртышу. — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1974, вып. 15; *Она же.* Отчет о раскопках поселения и могильника у д. Ир Абатского р-на Тюменской обл. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 120; *Викторова В. Д., Романова М. В.* Отчет о раскопках кургана на южном берегу Андреевского озера. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 166; *Викторова В. Д.* Поселение позднего железного века на северном берегу Андреевского озера у г. Тюмени. — В кн.: Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976, вып. 1, с. 63—88; *Морозов В. М.* Отчеты о раскопках поселения Дуван VI. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 44, 54; *Корякова Л. Н., Стефанов В. И.* Городище Инберень IV на Иртыше. — СА, 1981, № 2; *Стефанов В. И.* Отчет о раскопках Розановского городища в Горьковском р-не Омской обл. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 255.

¹³ *Потемкина Т. М.* Отчет об археологических раскопках Курганского пединститута на территории Курганской области в 1967 г. — Архив КА УрГУ, ф. 2, д. 56.

¹⁴ *Зотова С. В.* Отчет за 1960 г. — Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 2145; *Кожин П. М.* Новые памятники сарматского времени в Тюменской обл. — МИА, 1972, № 153, с. 79—86.

¹⁵ Отчеты о работах Иртышского отряда Западносибирской экспедиции в 1966—1970, 1972—1974 гг. — Архив ИА АН СССР, Р 1, № 3325, 3464, 3716, 4000, 4252, 4739, 5715, 53507.

¹⁶ *Зданович Г. Б., Зданович С. Я.* Археологические работы в Северном Казахстане. — АО 1967. М., 1968, с. 32; АО 1968, с. 405; АО 1969, с. 392; АО 1970, с. 405.

¹⁷ *Могильников В. А.* Особенности культуры и основные проблемы изучения раннего железного века лесостепного Прииртышья. — В кн.: 5-е Урал. археол. совещ. Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар, 1967, с. 65—67; *Мошинская В. И.* Племена лесостепной и лесной полосы Западной Сибири в I тыс. до н. э. — В кн.: История Сибири. Л., 1968, т. 1, с. 237, 238.

¹⁸ *Стоянов В. Е.* Ранний железный век..., с. 30—31; *Он же.* Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века. — ПХКПАПЗС, 1970, с. 238.

¹⁹ *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация..., с. 238—252, 253.

²⁰ *Стоянов В. Е.* Узловское поселение..., с. 87—88.

²¹ *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах Среднего Прииртышья и Приобья эпохи раннего железа. — ПХКПАПЗС, 1970, с. 179.

²² *Корякова Л. Н.* Саргатская культура раннего железного века западно-сибирской лесостепи. Автореф. канд. дис. М., 1981, с. 16.

²³ *Могильников В. А.* Периодизация культур эпохи железа в Среднем Прииртышье.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969; *Он же.* К вопросу об этнокультурных ареалах..., с. 172.

²⁴ *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах..., с. 173—175, 176, 181, 179—180, 183 и сл.

²⁵ *Могильников В. А.* К вопросу о контактах населения Среднего Приобья и Прииртышья в раннем железном веке.— В кн.: Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978, с. 91.

²⁶ *Могильников В. А.* Коконовские и Саргатские курганы..., с. 133.

²⁷ *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре.— В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 85; *Он же.* К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 7, с. 175.

²⁸ *Стоянов В. Е.* Носиловское II поселение (о зауральских памятниках начала железного века).— ВАУ. Свердловск, 1975, вып. 13, с. 133—134.

²⁹ *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах..., с. 181; *Он же.* К вопросу о саргатской культуре, с. 69; *Стоянов В. Е.* Могильники раннего железного века западносибирской лесостепи (к вопросу о локальных различиях).— ПАУС. М., 1973, с. 233—238.

³⁰ *Стоянов В. Е.* Узловское поселение.— ВАУ. Свердловск, 1968, вып. 8, с. 65—89; *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Курганы у оз. Фоминцево, с. 90—101; *Могильников В. А.* Калачевка — памятник позднего этапа саргатской культуры.— ПАУС, 1973, с. 239—247; *Он же.* Коконовские и Саргатские курганы; *Он же.* Раскопки 1967 г. в Коконовке.— МИА, 1972, № 153, с. 134—149; *Кожин П. М.* Новые памятники..., с. 79—86; *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы..., с. 87—118; *Корякова Л. Н.* Курганы саргатской культуры..., с. 191—205; и др.

³¹ *Могильников В. А.* Периодизация культур эпохи железа..., с. 136—137; *Он же.* Калачевка — памятник позднего этапа..., с. 239.

³² *Стоянов В. Е.* Классификация и периодизация..., с. 253.

³³ *Могильников В. А.* Раскопки 1967 г. в Коконовке, с. 144.

³⁴ Там же, с. 144—145; *Он же.* К вопросу о саргатской культуре, с. 71—73.

³⁵ *Могильников В. А.* Калачевка — памятник позднего этапа..., с. 246.

³⁶ *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Федорова Н. В., Овчинникова Б. Б.* Омское Прииртышье в железном веке, с. 201—213, рис. 1.

³⁷ *Могильников В. А.* К вопросу об этнокультурных ареалах..., с. 181.

³⁸ *Могильников В. А.* К этнокультурной характеристике..., с. 180.

³⁹ *Стоянов В. Е.* Ранний железный век..., с. 305.

⁴⁰ *Генинг В. Ф., Корякова Л. Н., Федорова Н. В., Овчинникова Б. Б.* Омское Прииртышье в железном веке, с. 214—215.

⁴¹ *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы, с. 187—188.

⁴² *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье, с. 238; *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины угорских народов.— В кн.: По следам древних культур. М., 1953, с. 191; *Сальников К. В.* Состав населения лесостепного Зауралья в сарматское время.— СЭ, 1966, № 5, с. 118—124; *Могильников В. А.* К этнокультурной характеристике..., с. 175; *Он же.* Коконовские и Саргатские курганы..., с. 135; *Вереш П.* Этнокультурное развитие угорских народов.— В кн.: Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978, с. 107—108; *Соколова З. П.* К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975, с. 189.

⁴³ *Васильев В. И.* Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М., 1979, с. 33—39.

⁴⁴ *Смирнов К.* Савроматы. М., 1964, с. 273.

⁴⁵ *Чернецов В. Н.* Усть-полуйское время в Приобье, с. 238; *Чернецов В. Н., Мошинская В. И.* В поисках древней родины..., с. 178.

⁴⁶ *Мошинская В. И.* Племена лесостепной и лесной полосы Западной

Сибири..., с. 38—39; *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре, с. 131; *Он же.* Раскопки 1967 г. в Коконовке, с. 214.

⁴⁷ *Могильников В. А.* Некоторые аспекты хозяйства племен лесостепи Западной Сибири эпохи раннего железа.— В кн.: *Из истории Сибири.* Томск, 1976, вып. 21; *Стоянов В. Е.* Некоторые аспекты социально-экономической организации населения зауральско-западносибирской лесостепи (ранний железный век).— В кн.: *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири.* Свердловск, 1977.

⁴⁸ *Могильников В. А.* Некоторые аспекты..., с. 176.

⁴⁹ *Мошкова М. Г., Генинг В. Ф.* Абатские курганы..., с. 118; *Могильников В. А.* К вопросу о саргатской культуре, с. 83—85; *Он же.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.— АЭБ. Уфа, 1971, т. 4, с. 151—152.